

1

В БЕГАХ

5 июля 1894 года

Хетти Грейнджер оправила мою фату, хотя та и без того лежала ровно. Я подозревала, что она пытается отвлечь нас обеих.

— Ты прекрасно выглядишь, Вайолет, — сказала она.

Ее опаловые глаза переливались в солнечном свете, проникавшем через большое окно Тетбери-Холла.

— Вылитая... — начала мама — и запнулась, не в силах назвать никого, на кого я была бы похожа. — Вайолет, — неловко закончила она.

Мой отец был человеком высоким и крепким, с римским носом и квадратным подбородком, — почти во всех отношениях противоположность мне, его старшей дочери. Однако он наделил меня густой копной черных волос и голубым правым глазом. Моя мать — высокая и крепкая, с орлиным носом и острым подбородком, — подарила мне зеленый левый глаз и бледную кожу.

7

«Не делай этого», — в третий раз за утро попросила Руби, но я шикнула на нее. То, что она никогда не выйдет замуж, не означало, что я должна следовать ее примеру. «Это узаконенное рабство».

Мой троюродный брат Ромул рысью спустился по лестнице. В красной форме капитана Суффолкского полка с золотой тесьмой и желтыми манжетами он был великолепен.

— Вот это красота, — отметил он.

— О, спасибо, Ромми, — промурлыкала мама, хотя мне казалось, что Ромул смотрел на меня, и он подмигнул.

Он был моим самым близким родственником мужского пола; все мои братья сгинули от болезней, насильственной смерти, жестокости морей — или просто сгинули.

Роза, моя последняя живая сестра, выглянула наружу, чувствуя себя неловко в коралловом платье. Она бы предпочла гоняться в бриджах за мелкой дичью.

— Карета подана, — объявила она, и я поглядела на карету, стоявшую на подъездной дорожке.

Ее украшал герб Торнов — в бордовом щите лазоревый восстающий баран.

От семейной часовни нас отделяла сотня ярдов, которые я быстрее прошла бы пешком, если учесть, сколько времени ушло на то, чтобы расправить и перерасправить мое атласное платье, когда я вошла в карету и вылезла из нее, но отец и слышать об этом не хотел.

— С таким же успехом можешь приехать на велосипеде, — сказал он, и идея пришла мне по душе.

Джек посмеется, увидев это.

Преподобный Мэтьюс в полном облачении стоял на крыльце, но с ним было что-то не так — более не так, чем обычно. Он был сутул и нерешителен, и по выражению его лица, обычно раздражающе веселого, можно было подумать, что он ведет меня на виселицу.

«Это потому, что он сам хочет заполучить тебя, — заверила Руби, — но со ста сорока фунтами в год ему придется довольствоваться толстозадой горничной».

Мэтьюс провел пальцами по своим рыжим кудрям, поскрипел подошвами коричневых ботинок по гравию и прочистил горло.

— Я испытываю меньшее волнение, чем вы выражаете, — поддразнила я его, но он даже не попытался улыбнуться.

Только протянул мне конверт, на котором печатными заглавными буквами было написано «Для леди Вайолет Торн». Не успела я взять письмо, как отец выхватил его и вскрыл.

— Мистеру Рэйвену нездоровится? — спросила я.

Правда ведь, если бы Джек умер, они бы не позволили мне зайти так далеко, прежде чем сообщить эту новость?

«Это почерк Джека, — нетерпеливо сказала Руби, которая слышала мои мысли, когда их не мог слышать никто из моей семьи. — А мертвецы не пишут».

«На спиритических сеансах — еще как пишут», — возразил инспектор Хэвлок Хефти, и я предоставила им спорить.

Эти два героя никогда друг друга не любили.

— Его принесли только что, — пробормотал Мэтьюс, избегая смотреть мне в глаза; из этого было очевидно, что он имеет представление о содержании письма.

Отец сжал кулак с письмом, и мышцы его лица так напряглись, что я испугалась — вот-вот моноколь поранит его либо разлетится вдребезги.

— Я с него живьем кожу сдеру, — провозгласил он, и Хетти коснулась моей руки. — Мерзкая нутрия! — ярился отец.

Оглядываясь назад, я могу сказать, что он выбрал неожиданное животное, поскольку никто из нас ни разу не видел нутрии, кроме как на цветной иллюстрации в «Естественной истории Южной Америки» Фортескью, но в ту минуту у меня были другие заботы.

Ромул выдернул смятую бумагу из руки отца и расправил, встав рядом со мной, чтобы мы могли читать вместе.

— Он за это поплатится, — мрачно пообещал Ромми, пока я неверяще перечитывала короткую записку.

Я обнаружила, что все эти палки и камни — ерунда. Раньше я не знала, что слова могут причинять физическую боль и то из них, которое должно быть самым добрым, может оказаться самым жестоким.

«От всего сердца вечно любящий тебя Джек», — значилось в подписи, а дальше стоял крестик, изображая поцелуй, которого никогда не будет.

Выронив смертельно раненный букет на гравий, я за неимением велосипеда побежала обратно к дому.

Первой меня нашла служанка Агнуст, которая знала все мои убежища, кроме двух.

— Он сказал, что недостоин, — прошептала я, не в силах поверить.

— Как пить дать, недостоин, — подтвердила она, схватила меня за плечо одной массивной шестипалой рукой и другой повернула мою голову за подбородок, чтобы я посмотрела на нее. На ее лице появилось незнакомое выражение — тогда я приняла его за раздражение, но позже поняла, что это была ненависть. — Хотите, я его убью?

— Не волнуйтесь, — спокойно ответила я. — Я сделаю это сама.

ГРЯЗНЫЕ ИЗВЕРГИ И ВОЛШЕБНЫЙ КАРАНДАШ

Руби Гибсон колебалась, но в ее грудь упиралось дуло маузера С78, и она не могла надеяться, что одолеет своего заклятого врага со связанными руками и кандалами на ногах.

— Ложитесь, — приказал граф, и Руби, продолжая сопротивляться, неохотно повиновалась. — Вам повезло, — сказал он с заметным брагисландским акцентом, — потому что я даваю вам гроб, который больше, чем вы давали моему брату.

— Он был гнусным извергом, — заявила Руби, — и я жалею лишь о том, что пираньи так быстро его сожрали.

Граф провел пальцем по старому шраму на щеке, оставшемуся после их перестрелки из пистолетов на северной стене Маттерхорна.

— По последней мере, я могу хоронить его голову в склепе моей благородной семьи, — прорычал он, — а вы, мисс Гибсон, развеетесь по ветру.

— Вам это с рук не сойдет, граф Ворольски Зугравеску, — твердо предупредила Руби.

— Боюсь, что теперь, как говорится, моя взяла, — усмехнулся граф. Его желтые глаза сверкали, как змеиные, в неровном свете факела, который держал над ней Игоревич. — На этот раз вы от меня не уходите, — злорадно пообещал он. Из раны, которую ее рапира оставила на его покато лбу, струилась кровь. — Этот гроб, он сделан из прочной стали толщиной в дюйм. Я закрою его на засовы и навешу замок. В нем нет отверстий для воздуха, и поверьте, мисс Гибсон, вы будете молить Бога, чтобы потерять сознание прежде, чем Игоревич разожжет под вами огнище.

— Вы грязный изверг и безграмотная скотина! — прокричала она, а граф Зугравеску разразился безудержным хохотом.

— Прощайте, мисс Руби Гибсон. Вы в последний-распоследний раз мешали моим планам, — прокаркал он, и Игорь захлопнул крышку. Темнота была черна как смоль.

Едва засовы встали на место, как Руби Гибсон почувствовала, что стальной гроб становится горячим, но она была англичанкой и не собиралась отчаиваться.

— Вы не так умны, как вам кажется, граф Ворольски Зугравеску, — вызывающе пробормотала она.

Считанные секунды отделяли внештатного расследователя Руби Гибсон от мучительной смерти, но у нее имелся еще один трюк в запасе.

Я положила свой волшебный карандаш Aikin Lambert & Co, зеленый корпус которого был украшен перламутровыми цветами. Не люблю писать ручками. Мои пальцы могут засвидетельствовать, что чернила только и ждут случая растечься, разбрызгаться или размазаться, и да помогут небеса тому, кто неосторожно намочит исписанную страницу.

«Чтоб мне провалиться! — подумала я. — Как, черт возьми, нам выбраться из этой ситуации?»

«Судя по тому, как разогревается этот гроб, без черта не обошлось, — сказала Руби. — Сделай что-нибудь, Торн, да поскорее».

«Обязательно», — пообещала я, намереваясь выполнить обещание, как только придумаю, что тут можно сделать.

3

ТОНКИЙ ЛЕД И ГОЛОВОРЕЗЫ

5 июля 1895 года

Луна была почти полная, и мы порадовались этому, когда покинули освещенные газовыми лампами улицы Верхнего Монтфорда. В Монастырском парке освещения не было, поскольку все фонарные столбы были раскурочены; говорили, что это дело рук головорезов, но в нашем суффолкском ярмарочном городке не водилось такой экзотики со времен монтфордского маньяка.

Здесь мы замедлили шаг. Дорожка, шедшая прямо через парк, была достаточно широкой, но земля, разъезженная по весне, во время летней жары запеклась коркой, так что нам с Геррундом приходилось крепко держаться за ремни, чтобы не врезаться друг в друга и не свалиться на пол. В юности у меня был бы целый турнюр на спине и несколько слоев ткани под задом.

Теперь же на мне были только красно-коричневое хлопчатобумажное платье и одна нижняя юбка — не слишком надежная защита от бугристой кожаной скамьи.

— Первая прохладная минута за весь день, — заметила я, заново завязывая ленту шляпки, так как на открытых местах дул приятный ветерок.

— Я бы не возражал против маленького шторма. — Геррунд пальцем оттянул изумрудный платок, тщательно уложенный у него на шее.

— Не ищите судьбу, — предупредила я, вспомнив тот раз, когда стоило ему пожаловаться на дорожную скуку — и на следующем повороте наш поезд сошел с рельсов.

Я говорила, что ему не нужно надевать под темно-синюю шерстяную куртку зеленый жилет, но он непреклонно заявил, что летняя жара не повод для послаблений. Плохо одетый слуга портит репутацию госпожи, настаивал он, но сильно потеющий слуга доставлял госпоже еще больше неудобств.

«Куда мы едем?» — спросила Руби.

«Подожди, и увидишь», — сказала я. Я понимала, что это звучит неприятно, но она постоянно донимала меня с тех пор, как Зугравеску заманил ее в ловушку.

«Предлагаю сделку, — сказала я ей за завтраком. — Я буду выпускать тебя днем, если ты дашь мне спать ночью».

